

Толстому совсѣмъ не нуженъ, онъ не только хочетъ обойтись безъ Христа-Спасителя, но считаетъ безнравственнымъ всякое обращеніе къ Спасителю, всякую помощь въ исполненіи воли Отца. Для него не существуетъ Сына, существуетъ только Отецъ, т. е. значить онъ весь въ Ветхомъ Завѣтѣ и не знаетъ Новаго Завѣта.

Л. Толстому кажется легкимъ исполнить до конца, собственными силами, законъ Отца потому, что онъ не чувствуетъ и не знаетъ зла и грѣха. Не вѣдаетъ ирраціональной стихіи зла и потому не нужно ему искупленіе, не хочетъ знать онъ Искупителя. На зло Толстой смотритъ раціоналистически, сократически, въ злѣ видитъ лишь незнаніе, лишь недостатокъ разумнаго сознанія, почти что недоразумѣніе; онъ отрицаетъ бездонную и ирраціональную тайну зла, связанную съ бездонной и ирраціональной тайной свободы. Сознавшій законъ добра по Толстому уже въ силу одного этого сознанія пожелаетъ его исполнить. Зло дѣлаетъ лишь лишенный сознанія. Зло коренится не въ ирраціональной волѣ и не въ ирраціональной свободѣ, а въ отсутствіи разумнаго сознанія, въ невѣдѣніи. Нельзя дѣлать зло, если знаешь, что такое добро. Человѣческая природа естественно благостна, безгрѣшна и дѣлаетъ зло лишь по невѣдѣнію закона. *Добро есть разумное.* Это особенно подчеркиваетъ Толстой. Зло дѣлать глупо, нѣтъ расчета дѣлать зло, лишь добро ведетъ къ жизненному благополучію, къ счастью. Ясно, что на добро и зло Толстой смотритъ такъ, какъ смотрѣлъ Сократъ, т. е. раціоналистически, отождествляя добро съ разумнымъ, а зло съ неразумнымъ. Разумное сознаніе закона, даннаго Отцомъ, приведетъ къ окончательному торжеству добра и устраненію зла. Легко и радостно произойдетъ это, собственными силами человѣка совершится. Л. Толстой, какъ никто, бичуетъ зло и ложь жизни и призываетъ къ моральному максимализму, къ немедленному и окончательному осуществленію добра во всемъ. Но его моральный максимализмъ въ отношеніи къ жизни именно и связанъ съ невѣдѣніемъ зла. Онъ съ наивностью, заключающей въ себѣ гениальный гипнозъ, не хочетъ знать силу зла, трудность его преодоленія, ирраціональную трагедію, съ нимъ связанную. На поверхностный взглядъ можетъ показаться, что именно Л. Толстой лучше другихъ видѣлъ зло жизни, глубже другихъ вскрывалъ его. Но это обманъ зрѣнія. Толстой видѣлъ, что люди не исполняютъ воли